

ОБСУЖДЕНИЕ МЕСТА И РОЛИ РЕВОЛЮЦИЙ ВО ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ ВСТРЕЧЕ УЧЕНЫХ В МАДРИДЕ

Редкое высказывание может сравниться по частоте употребления со знаменитым выражением К. Маркса «Революция — локомотивы истории». Это выражение, ставшее модным, часто встречается не только в советской, но и в зарубежной литературе¹. Однако, наверное, далеко не все прибегавшие к этой фразе специалисты интересовались тем контекстом, откуда она «родом».

В одном из разделов работы «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» К. Маркс писал о французском крестьянстве, которое на всенародном референдуме отдало свои голоса в пользу Луи Бонапарта, поддержав тем самым совершенный им реакционный переворот и захват власти. «Только падение капитала может поднять крестьянина...», — писал К. Маркс. «Конституционная республика, это — диктатура его объединенных эксплуататоров; социально-демократическая, красная республика, это — диктатура его союзников. И чаши весов падают или поднимаются в зависимости от голосов, которые крестьянин бросает в избирательную урну»². И в конце абзаца как-то непонятно, вдруг появляется вышеприведенный лозунг.

Учитывая конкретно-историческую ситуацию, можно думать, что К. Маркс этим призывом хотел внушить революционным силам Европы надежду и уверенность в том, что их поражение в 1848—1849 гг. временно, они еще смогут подняться и победить в будущем.

«Революция — это слово с очень неопределенным содержанием» — этими словами начинает свою монографию об «анатомии революции» американский историк К. Бринтон. «Великая французская революция, промышленная революция, революция в Гаити, социальная революция, американская негритянская революция, революция в нашем мышлении, революция в продаже женской одежды или в автомобильной промышленности — этот список можно продолжать до бесконечности»³. Выступая на XVII Международном конгрессе исторических наук, И. Геррман указал на то, что словом «революция» (revolution) обозначались всякого рода движения и изменения еще со времен святого Августина и Коперника («De revolutionibus»), хотя обществоведы (историки, политики и др.) в последнее время вкладывают в это слово более узкий смысл, подразумевая под ним феномен из области классовой борьбы в классовом обществе. «Начиная с Маркса термины «социальная революция» или «эпоха социальных революций» тесно связаны с прогрессивной сменой общественных формаций»⁴. В то же время революции — и к такому общему пониманию, по-видимому, пришли все историки — это «великие перевороты в прежде стабильных политических обществах...»⁵

* Eesti Teaduste Akadeemia Humanitaar- ja Ühiskonnateaduste Osakond (Отделение гуманитарных и общественных наук Академии наук Эстонии). 200105 Tallinn, Estonia pst. 7, Estonia.

¹ См.: Skocpol, T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. London, etc., 1979, 3.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 7, 86.

³ Brinton, C. The Anatomy of Revolution. New York, 1965, 1.

⁴ Herrmann, J. Introduction: revolution and/or reform: their influence on the history of society. — В кн.: 17th International Congress of Historical Sciences. I Grands Thèmes. Methodologie. Sections Chronologiques, 1. Rapports et abrégés. Madrid, 1990, 59.

⁵ Brinton, C. The Anatomy of Revolution, 4.

К анализу революций исследователи, как правило, подходили с одной из двух возможных позиций. При одном подходе они концентрировали внимание на какой-то одной революции (или группе революций) и пытались выяснить, каковы были ее причины, как она началась и протекала, каковы были ее движущие силы и, что самое важное, как в революции отрицалось старое и рождалось новое. Особую подгруппу в этом направлении занимали сравнительно-исторические исследования (Б. Моора, К. Бринтона, Т. Скочпола⁶), в которых старались раскрыть общие черты и «общий механизм» революций. При другом подходе основная задача заключалась в выяснении значения и роли революций во всемирно-историческом процессе; делались попытки, так сказать, «вставить» их в концепцию исторического процесса.

В последнее время особый интерес вызывают исследования именно второго направления. Очевидна связь этих исследований с политическими событиями сегодняшнего дня и недавнего прошлого, пошатнувшими веру в сущность и значение ряда политических переворотов, до недавних пор толковавшихся многими политиками и историками как разного типа революции. Но надо сказать, что повышенный интерес к историческому значению революций появился значительно раньше — уже в 1985 г. очередной XVI Международный конгресс исторических наук решил организовать общими усилиями изучение значения революций и реформ во всемирно-историческом процессе. В разных странах мира были организованы специальные исследовательские группы по этой тематике, и к 1990 г. вышли в свет интересные работы, а также были подготовлены доклады для XVII конгресса историков. В настоящем кратком обзоре и будет сделана попытка остановиться на некоторых — мы надеемся представляющих более общий интерес — результатах этой работы и поднятых при этом новых вопросах.

Организованный в Лейпциге «Междисциплинарный центр по сравнительному изучению революций» опубликовал в 1986 г. результаты проведенной работы. В Кютлер в своей вступительной статье подчеркивает: тезис о том, что революции — это поворотные пункты в историческом развитии, является «... основным тезисом исторического материализма...»⁷ Уже в 1951 г. русский историк академик Н. М. Дружинин писал: «На рубеже каждой формации классики марксизма видели прежде всего обострение классовых противоречий и неизбежно наступающую революцию»⁸. Примечательно, однако, то, что касаясь проблем периодизации, Н. М. Дружинин противоречит самому себе. Он прямо говорит о том, что разбивка на периоды, на рубежах которых стоят революции, носит явно условный характер. При периодизации надо учитывать как социально-экономическое и культурное развитие, так и эволюцию классовой борьбы⁹. «В силу длящегося характера экономических процессов мы не в состоянии отметить точной хронологической датой начало этого конфликта между развитием производительных сил и феодальными производственными отношениями¹⁰, — пишет Н. М. Дружинин. В исторический процесс более точно и «сжато» во времени вписываются такие явления, как массовые крестьянские движения и сознательные выступления пробуждающихся классов. Поэтому академик Н. М. Дружинин

⁶ Moore, B. Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Harmondsworth, 1977; Brinton, C. *The Anatomy of Revolution*; Skocpol, T. *States and Social Revolutions*.

⁷ Küttler, W. Theoretische und methodologische Probleme des reformerischen Weges der bürgerlichen Umwälzung. — *Leipziger Beiträge zur Revolutionsforschung, Lehrheft 16 (Revolution und Reform beim Übergang vom Feudalismus zum Kapitalismus)*. Leipzig, 1986, 41.

⁸ Дружинин Н. М. *Избранные труды. Социально-экономическая история России*. Москва, 1987, 148.

⁹ Там же, 173.

¹⁰ Там же, 186.

считает возможным и полезным при периодизации исторического процесса опираться, так сказать, на «даты» хронологии классовой борьбы¹¹.

На трактовку проблем периодизации и значения революций явно негативное влияние оказало догматическое преклонение перед высказываниями основоположников марксизма. Уже в 1975 г. Р. Вольфайль указал на то, что при интерпретации реформации и крестьянской войны в Германии 1525 г. как раннебуржуазной революции у немецких марксистских историков проявилось стремление к своеобразной канонизации высказываний Ф. Энгельса по этим вопросам¹². Все критические высказывания английских и французских историков в адрес, например, Великой французской революции 1789—1794 гг. или их положительные оценки реформ трактовались как проявления «реакционного буржуазного ревизионизма». Подобные утверждения исключали возможность уравновешенной научной дискуссии¹³.

До самого последнего времени в советской историографии при сравнении революций и реформ преобладали подчеркнута негативные оценки в адрес последних. По существу они опирались на тезисы, выработанные самими революционерами и классиками марксизма-ленинизма. По вполне понятным причинам, революционеры рассматривали реформы в основном как неудачу, как «побочный продукт»¹⁴ революции, а реформистский путь исторического развития, даже если он приводил к цели, медленным, мучительным и зигзагообразным¹⁵.

В настоящее время в историографии значение реформ трактуется двояко. Взаимоотношение «реформа-революция» диалектическое — несовершенная вовремя реформа может привести к революции, непобедившая революция может привести к реформе. Вторая оценка встречается и у историков-марксистов: «Если руководящий слой недостаточно поворотлив и если противоречия затрагивают и народные массы, то стремление к реформам может обернуться революционными событиями...» (из доклада И. Геррмана, представленного Мадридскому конгрессу исторических наук¹⁶).

В советской исторической литературе уже встречаются признания, что «сверхпринципиальное» отрицание самостоятельного значения и ценности либеральной политики и трактовка реформ только как «побочных продуктов» революций не совсем убедительны¹⁷.

Надо сказать, что основные результаты исследований вышеупомянутой лейпцигской группы ученых не говорят в пользу тезиса о том, что именно (или только) революции стоят на рубежах социально-экономических стадий и, следовательно, человечество должно от одной ступени развития перейти к следующей только через революции. В результате историко-сравнительных типологических исследований лейпцигские ученые пришли к выводу, что все революции XIX и начала XX веков можно подразделить, исходя из того, как был решен аграрный вопрос, на три типологических направления («пути»): 1) американский (победителями вышли капиталисты-собственники (фермеры)); 2) английский (победителями оказались крупные землевладельцы и капиталисты-арендаторы (фермеры)) и 3) французский (революционно-демократический), при котором сохранились незаинтересованные в капиталистических нововве-

¹¹ Там же, 147—148.

¹² *Wohlfel, R.* Positionen der Forschung — „Bauernkrieg“ und „Frühbürgerliche Revolution“. — *Hist. Zschr.*, Beiheft 16. Leipzig, 1986, 41, 50.

¹³ *Küttler, W.* Theoretische und methodologische Probleme, 41, 50.

¹⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., 15, 108.

¹⁵ См., напр.: *Волбуев П. В.* Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. Москва, 1987, 53, 66—67.

¹⁶ *Herrmann, J.* Introduction, 60.

¹⁷ Революции и реформы в XX веке: их роль в истории общества. Реф. сб. (Введение Т. М. Фадеева.) Москва, 1990, 25.

денях крупное землевладение и неспособное к ним мелкое парцеллярное крестьянское хозяйство¹⁸. Более точно революции в Европе разделялись на следующие типы: 1) революции в рамках феодализма против феодализма (пример — Франция, 1789), 2) революция в рамках капитализма за более быстрое развитие капитализма (Франция, 1830, 1848), 3) революция на пути к капитализму (Германия, 1848) и 4) буржуазная революция под гегемонией пролетариата (Россия, 1905)¹⁹. Примерно такая же типологизация справедлива и в отношении революций, которые имели место в колониальных владениях великих держав Европы. Происходившие там революции в довольно сильной степени испытывали на себе влияние европейских революционных процессов²⁰.

Вышеказанное может углубить наше понимание революций, но вряд ли подтвердит тезис о том, что революции совершаются именно в переходные периоды от одного уровня развития человеческого общества к следующему уровню. «Историческая смена феодальной формации капиталистической происходит в двух главных или основных вариантах общественных преобразований: или через буржуазную революцию..., или через реформы...» — такими словами начинает свою статью М. Коссок и к такому же выводу он приходит в докладе, представленном Мадридскому конгрессу²¹.

По И. Геррману, реформы можно подразделить на три группы: 1) реформы, которые проводятся в развитых обществах, чтобы избежать кризисных ситуаций (пример — реформы Фридриха II в Пруссии); 2) реформы для направления дальнейшего развития (реформы в Пруссии после поражения революции 1848 года); 3) реформы на периферии — под сильным влиянием центра, где уже победила революция²².

Путь буржуазных реформ (двух последних типов), по мнению лейпцигских исследователей, стал преобладать при переходе от феодализма к капитализму в Европе начиная с первой трети XIX столетия²³. В конечном счете получилось так, что, кроме таких двух «образцовых примеров», как Пруссия и Япония, успешный переход к капитализму путем реформ был осуществлен в большинстве стран Центральной, Южной и Восточной Европы — в Италии, Австрии, Венгрии, Бельгии, Чехословакии, Польше и России. Энгельс в свое время назвал Бисмарка, «железом и кровью» проводившего реформы буржуазного преобразования и объединения Германии, «королевско-прусским революционером»²⁴. Ленин писал, что царский министр Столыпин «...вне всякого сомнения идет по линии капиталистической эволюции, ускоряет экспроприацию крестьянства, распадение общины, создание крестьянской буржуазии. Это законодательство несомненно прогрессивно в научно-экономическом смысле»²⁵.

Уже Маркс и Энгельс в свое время признавали: многое из того, что должно было, по их теоретическим постулатам, свершиться революционным путем, фактически было осуществлено правительствами абсолютистских монархий. Из логического противоречия классики марксизма нашли выход, объявив все радикальные буржуазные реформы «революциями сверху». По мнению лейпцигской группы, возможность таких

¹⁸ Kossok, M. Revolutionärer und reformerischer Weg beim Übergang vom Feudalismus zum Kapitalismus. Ein Diskussionbeitrag. — Leipziger Beiträge, 10—16.

¹⁹ Там же, 9.

²⁰ Там же, 29—31.

²¹ Kossok, M. Revolutionärer und reformerischer Weg, 6; Kossok, M. Europäischer und iberisch-amerikanischer Revolutionszyklus im 19. Jahrhundert. Ein historisch-typologischer Vergleich. — В кн.: 17th International Congress, 84.

²² Herrmann, J. Introduction, 60.

²³ Kossok, M. Revolutionärer und reformerischer Weg, 21—22; Küttler, W. Theoretische und methodologische Probleme, 45.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 21, 453.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., 16, 219.

«революций сверху» открылась перед человечеством только после «двойной буржуазной революции» в Европе — буржуазно-демократической революции во Франции 1789 года и промышленной революции в Англии в конце XVIII века²⁶. Но надо признать, что такое «переименование» реформ в революции и обозначение хронологического рубежа, с которого все реформы можно оценивать и понимать как революции, больше напоминают литературные характеристики, чем серьезные результаты научного анализа.

По оценке лейпцигских исследователей, капитализм развивался быстрее и успешнее в Пруссии (где буржуазные отношения победили реформистским путем), чем во Франции (где они победили революционным путем)²⁷. Есть немало исторических процессов, при анализе которых можно убедительно показать, что путем реформ было достигнуто больше, чем революциями. В своем докладе на XVII конгрессе в Мадриде датский историк У. Остегард показал, что проведенные в Дании с конца XVIII века буржуазные реформы привели к более быстрому развитию сельского хозяйства и капитализма в земледелии, чем во французской деревне после революции 1789 года²⁸.

В начале статьи речь шла о том, что термин «революция» употребляется в очень разных значениях, но в данном случае имеется в виду только то понятие, которое в ходу в социально-политических исследованиях. Но вполне вероятно, что такая «изоляция» понятия и стала одной из причин того, что проведенные до сих пор исследования так и не раскрыли должным образом сущность и значение революций. Недостаточно обращалось внимания на то, что разные революции свершались (или не свершались и заменялись реформами) в качественно иных периодах, на радикально различающихся ступенях общественного развития. Если на определенном уровне развития насильственное перераспределение общественного продукта имело смысл, то на других уровнях оно могло уже оказаться нерациональным. Еще в 1972 году венгерский историк И. Веллманн сделал попытку подойти к революциям в общественном строе и к революциям в развитии производительных сил (конкретно — к аграрной революции) с одними и теми же критериями. «Название «революция» в позитивном значении этого слова может применяться лишь к тем движениям, которые видят в свержении старого единственный путь и средство заменить его чем-то новым и лучшим»²⁹. К сожалению, попытки такого комплексного подхода к проблематике позже чрезвычайно редко встречались в исторической литературе.

На международной встрече историков в Мадриде в 1990 году речь шла и о том, что упрощенной и идеализированной оценке исторической роли революций во многом способствовали довольно широко распространенные в соответствующей литературе своеобразные мифы о революции (отметим, что подобные мифы надо отличать от тех, которые были в ходу во время разных революционных событий — утопические мифы о светлом будущем, которое предстоит завоевать; харизматические мифы о лидерах революций или об особых качествах и заслугах авангардных революционных группировок и т. д.)³⁰. С критикой в адрес распространившихся именно в литературе мифов выступил польский историк Е. Топольский. Не касаясь онтологических про-

²⁶ Kossok, M. *Revolutionärer und reformerischer Weg*, 21—22; Küttler, W. *Theoretische und methodologische Probleme*, 45.

²⁷ Kossok, M. *Revolutionärer und reformerischer Weg*, 23.

²⁸ Ostegard, U. *Réforme ou révolution dans les monarchies absolutistes Danemark-France comparée 1750—1850*. — В кн.: 17th International Congress, 74—77.

²⁹ Wellmann, I. *Die neuzeitliche „landwirtschaftliche Revolution“ und ihre Anfänge in Ungarn*. — *Proceedings of the Hungarian Agricultural Museum 1971—1972*. Budapest, 1972, 297.

³⁰ См. об этом: Reschler, A. *Les mythes politiques contemporaines*. Paris, 1982; Poitineau, A. *Les mythologies révolutionnaires: L'utopie ou la mort*. Paris, 1987.

блем изучения самих революций, весь пыл своей критики он сосредоточил на изображении их характера и значения в литературе. По его мнению, мифы о революциях часто «вызрели» в умах их же лидеров, которые исходили из собственных теоретических схем и подгоняли под них нужные факты, подтверждающие, что та или иная революция свершилась в силу именно таких-то причин (выросла из такого-то состояния общества) и привела именно к таким-то результатам (изменениям). «Мы встречаемся с таким мифом в лице утверждения, что революция во Франции расчистила путь к капитализму в Европе, потому что ведь является фактом, что промышленная революция началась в Англии, а во Франции революция не затронула крупных землевладельцев...»³¹, — пишет Е. Топольский. В своем докладе он подчеркивает, что подобные, широко распространенные в литературе мифы объективно вырастают из склонности лидеров победивших революций «... подчеркивать значение своей роли, описывая факты и процессы, названные «революцией». Как правило, это сопровождается тенденцией представить ситуацию до и после определенной революции в деформированной форме <...> революционеры дискредитируют положение, предшествующее революции, и склонны преувеличивать ее влияние на будущее <...> сильно проявляется тенденция замолчать или умалить значение негативных результатов революций»³².

В своем вступительном докладе И. Геррман высказывает и такую мысль: когда говорят о необходимости вычисления «цены революции», то надо анализировать и ту цену, которую человечество (или общество) должно было бы платить в случае несостоявшейся революции (замедление развития, жертвы и мучения угнетенных и т. п.)³³. Однако до сих пор в исторической литературе чрезвычайно редки — практически не встречаются — серьезные попытки вычисления цены как состоявшихся, так и несостоявшихся революций.

К разряду уже не мифов, а прямых извращений и фальсификаций относится многое из того, что трактовала советская история по поводу событий в Европе, связанных со второй мировой войной, и преподносит как «революции» (1940 год в Прибалтике, послевоенные изменения в Восточной Европе). Однако это столь серьезный вопрос, что он требует отдельного рассмотрения и при непременно участии историков соответствующих стран.

Подытоживая результаты обсуждения темы на международном конгрессе, американский историк К. Н. Дрэглер выразил сожаление, что так и не удалось в полной мере соразмерить значение революций и реформ в историческом процессе. Однако необоснованно преувеличенный авторитет революций и революционного пути развития был серьезно подорван.

Интересна высказанная им мысль о том, что между революцией и реформой по существу нет непреодолимой пропасти. «Концептуально можно, следовательно, сказать, что революция — это просто более ускоренная и углубленная реформа; революция подразумевает не только быстрые изменения, но и такие, которые взрывают весь социальный и политический фундамент общества», — пишет К. Н. Дрэглер в своих тезисах³⁴. Человечество почти всегда имело возможность выбора между

³¹ *Topolski, J.* The myth of revolution in historiography. — В кн.: 17th International Congress, 66.

³² Там же, 65—67.

³³ *Herrmann, J.* Introduction, 58.

³⁴ *Dregler, C. N.* Introduction: reform and revolution. — В кн.: 17th International Congress, 62.

революционным путем и путем развития через реформы, а в своих поисках лучшего будущего часто комбинировало элементы обеих альтернатив.

Поступила в редакцию
17/XII 1990

Juhan KAHK

REVOLUTSIOONIDE KOHT JA ROLL AJALOOPROTSESSIS (ARUTELU RAHVUSVAHELISEL FOORUMIL MADRIDIS)

Kasvavat huvi käsitletava probleemi vastu tõendab asjaolu, et see oli võetud 1990. aasta sügisel Madridis kokkutulnud XVII ajalooteaduste rahvusvahelise kongressi päevakorda. Arutlust sisse juhatades märkis J. Herrmann, et teadlasi huvitavad revolutsioonid eeskätt kui üleminekuteed ühelt ühiskonna arenguastmelt järgnevale. Viimase ajani valitseski dogmaatilisest marksismis kujutus, et ühiskonna ainuõige arengutee progressi suunas kulgeb revolutsioonide kaudu. Ent juba 1951. aastal väljendas N. Družinin mõtet, et formatsioonidevaheliste piiride asetamine just revolutsioonide või klassivõitluse teravnenemise perioodidesse on tegelikult üsna tinglik. Leipzgis tegutsenud revolutsioonide uurimise rühma poolt väljatöötatud revolutsioonide tüpoloogia kinnitas, et sageli ei toimunud revolutsioonid mitte üldiselt omaksvõetud formatsiooniperioodide piirimal, vaid nende keskel. Leipzigi rühma lõppjärelus oli, et feodalismilt kapitalismile läks inimkond üle kas revolutsioonide või reformide kaudu ja et kapitalism arenes külas kiiremini Preis (üleminek reformide teel) kui Prantsusmaal (üleminek revolutsioonilisel teel). Teatavasti iseloomustasid ka marksismi klassikud Preisi reforme kui revolutsioone ülaltpoolt, püüdes niiviisi õigustada revolutsioonide apologeerimist. Poola ajaloolane J. Topolsky kordas oma ettekandes tema poolt juba trükiis avaldatud kriitikat ajalookirjanduses revolutsioonide kohta levitatud «müütide» aadressil. Topolsky juhtis tähelepanu asjaolule, et pärast võidukaid revolutsioone on püütud neile eelnenud olukorda ja nende saavutusi kujutada nii, nagu see sobis kokku revolutsiooniteooriaga.

Üldkokkuvõttes näitas arutelu, et teaduslik üldsus kahtleb teesis, mille järgi revolutsioonide tee on progressi ainuke võimalus ja mille põhjal tõstetakse esile nende ajaloolist tähtsust. Eraldi käsitlust vajab aga «võltsrevolutsioonide» küsimus, s. t. mitmesuguste (sealhulgas ka Baltikumis) 20. sajandil asetleidnud riigipöörete ja anneksioonide kuulutamine revolutsioonideks.

Juhan KAHK

ON THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF REVOLUTIONS IN THE HISTORY OF MANKIND — DISCUSSIONS ON AN INTERNATIONAL FORUM IN MADRID

The increasing interest in the problems connected with revolutions is testified by the fact that they were on the agenda of the XVII International Congress of Historical Sciences held in Madrid in the autumn of 1990. In his introduction J. Herrmann pointed out that the scientific community was interested in revolutions first of all as focal points of the evolution of human society at which it goes over from a lower stage to a higher stage of development. Until recently the concept that such a "break-through" to a higher stage could be performed only through revolutions prevailed in dogmatic Marxism. But already in 1951 N. Druzhinin wrote that putting revolutions or periods of upheavals of class struggle on the borderlines of two periods had practically only a conventional character. A Leipzig-based research group studying theories of revolutions has constructed a typology of revolutions which shows that many of the revolutions did not occur on the borderline but deep inside conventional periods. One of the main results of the studies of the Leipzig group is that the transition from feudalism to capitalism took place either in the form of revolutions or in the form of reforms. They have demonstrated that the development of capitalism was much faster in the countryside in Prussia (the reform way) than in France (the revolutionary way). It is known that the classics of Marxism have characterized the reforms in Prussia as a "revolution from above" trying so to save the face of the concept stressing the unique significance of revolutions. The Polish historian J. Topolsky attacked the "myths" of revolution widespread in historiography. He pointed out that after victorious revolutions historians tended to describe the situation before the revolution and its achievements in such a way that it would confirm the "revolutionary theories".

The discussion clearly demonstrated the scientific community's doubts about the concept that progress could be achieved mostly by means of revolutions. The historical significance of reforms was stressed. A special case of criticism concerned the "falsified" revolutions, i.e. seizures of power and annexations in the 20th century described as revolutions (as it happened also in the Baltic States).